

Новое великое открытие?
(Подъем тяжестей посредством звука)

I

Последние демонстративные опыты Джона Э.У.Килэ¹ в Нью-Йорке снова произвели сенсацию. Очевидно, что хотя его неустанные труды все еще лежат в области отвлеченных заключений и бесплодных (в практическом смысле) результатов, тем не менее, результаты эти как научные опыты блестящи и убедительны.

Все последние опыты его клонились к доказательству [воздействия] силы звука на инертные массы, на их подъем и движение. Его новый изумительно остроумный аппарат, не только изобретенный им, но им же самим и выполненный, наглядно доказывает поразительную мощь созвучий в природе, активное притягательное воздействие колебаний звуковых волн посредством сочувственных отзвуков в отдельных телах.

Прежде чем приступить к описанию этого аппарата и демонстраций в Нью-Йорке небезынтересно вскользь упомянуть о препирательствах Килэ с доктором физики и химии, профессором Шиммель[ем] касательно свойств эфира, системы атомов, солнца и законов притяжения и тяготения.

Практик-рутинер д[окто]р Шиммель утверждал в своих публичных лекциях *неделимость* атомов; практик в отвлеченных заключениях и в самых смелых демонстрациях, «беззаконных» с точки зрения положительной науки опытов, д[окто]р Килэ решительно опровергал это положение. Он утверждает, что атомы *не* делимы только посредством физических приемов, но делятся до бесконечности при посредстве известного порядка *вибраций*, не механических, а *сочувственных* вибраций, возбужденных токами эфира, дифференцированными и настроенными отрицательно.

Относительно тройственных земных токов Килэ еще ранее производил демонстрации. Он доказывает, что так называемое магнитное притяжение – совсем не самобытное влечение иглы к северному полюсу, а объясняется, именно, направлением одного из сказанных сочувственных земных течений. Известно, что магнитная притягательная сила ограничена очень небольшим расстоянием. Независимо от этого течения сила магнита никогда не могла бы служить посредницей для доказательства ответного полярного сочувствия этому стремлению намагниченных тел к северу. Это магнитное течение или магнетическая земная оболочка имеет самое мощное соотношение к условиям силы всех нейтральных центров², постоянно из них исходя и к ним снова устремляясь, и таким круговращением неустанно питая их и поддерживая равновесие при вечной неуловимой быстроте движения, которая и есть – жизнь! Постоянное полярное движение земных токов подобно действию также отливающих³ и вновь приливающих сил, которые вековечно поддерживают равновесие в деятельности солнца. Те же условия мы находим в действиях кровообращения в животном организме относительно функций сердца и мозга.

Статья публикуется по: *Новости и биржевая газета, 1890, №342, 12 декабря*, подписана «В.Желиховская».
Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Первая часть статьи написана по материалам статьи К.Блумфильд-Мур «Comments of John Worrell Keely on Dr Schimmel's Lecture on "The Unity of Nature's Forces"» («Комментарии Джона Уоррела Кили на лекцию д[окто]ра Шиммеля "Единство сил природы"») (Lucifer, 1889, т. 4, апрель, с. 137–140).

Блумфильд-Мур Клара (Bloomfield Moore, 1824–1899) – американская филантропка, писательница, помощница Д.У.Кили.

¹ Кили Джон Уоррел (Keely John Worrell, 1827–1898) – американский изобретатель, открыл возможность практического получения энергии эфира; построил около двух тысяч опытных аппаратов и механизмов, работающих на ней.

² См. «Новости», №№ 320 и 323, «Что сделал Килэ для науки». – Примечание В.П.Желиховской.

³ В тексте статьи: наливающих. В статье К.Блумфильд-Мур: outflow (англ. истекающих).

Возвратимся на минуту к препирательствам ученого *по закону* с не признающим законов рутины изобретателем. Шиммель говорит: «Кристаллизация показывает, что *атомы бывают различных форм...*» Килэ решительно возражает: «Какая нелепая теория!» И доказывает, как дважды два [четыре], что в вечном круговращении самомалейшего атома, как и наивеличайшей планеты, нет и быть не может формы, кроме сферической. «Кристаллизация форм, – говорит он, – один из нерушимых, первобытных и столь необъяснимых законов природы, как, например, закон притяжения центров. Молекулярные массы в мельчайших проявлениях сами собой стремятся к воспроизведению геометрических и архитектурно прекрасных форм». Эти разнообразные проявления в строении атомов, в их скоплениях доказывают лишь их индивидуальную растяжимость, эластичность их вещества; сами же они всегда сфероидальны и никакое давление, ни разделение их не может придать им иной формы: каждая частица атома тотчас сливается в шар, подобно дробленному живому серебру.

Точно так же восстает Килэ против заявления Шиммеля, будто бы тело, падающее на землю, не привлекается ею, а к ней *пригнетается...*

«Чем? – вопрошает Килэ. – Как бы ни были редки и эфирны газы, наполняющие атмосферу, она все же служит препятствием, задерживает, а не ускоряет падение тела. Нет в природе закона более явного, чем постигнутый Ньютоном, хотя им не определенный, первобытный закон взаимного притяжения тел».

«Эфир, – говорит Шиммель, – восполняет огромное расходование солнечного жара, *сжимая* солнце в меньший объем...»

Опять филадельфийский мудрец с ним не соглашается.

«Я, – возражает он, – не могу допустить этой теории. По-моему, солнце есть нейтральный центр системы миров. Возрождение свойств его лежит вполне на деятельности колебаний сочувственных течений, из него самого исходящих в эту систему, которая ими держится, живет и оплодотворяется; а совершив свое планетарное круговращение, животворные токи снова же стремятся обратно к солнцу, обновляют его и в нем обновляются для нового отражения им в их нескончаемую, до конца мира, миссию».

«Солнце», – говорит Килэ, но тут же оговаривается, что общее понятие о солнце, нами видимом, – ложно. Как отражение солнечного диска в наведенном зеркале хотя ослепительно, но не есть самое солнце, – так наше дневное светило, по мнению Килэ, также есть лишь отражение – лучезарный покров *настоящего* солнца. Замечательно, что касательно этой измышленной им теории (как и во многих других пунктах), Килэ сходится вполне с учением оккультистов. «*Тайное учение*» древних мистиков (изложенное недавно во многих сочинениях⁴, с легкой руки впервые познакомившей с ним Европу, представительницы теософического общества Е.П.Блаватской) утверждает, что видимое на земле солнце лишь отсвет, призрак истинного, живого светила, находящегося за ним; что первое имеет ко второму такое же отношение, как отражение пламени в стекле или воде к самому огню. Земное солнце – фантом невидимого источника света и тепла, который ослепил бы и мгновенно испепелил бы все другие планеты в его системе, если бы открылся, – «как оно будет в конце Пралайи», говорят они, в последний день нашего мироздания, после которого и оно потухнет.

Только в одном пункте оба американских ученых согласны: «Лучи солнца, в сущности, сами по себе и *холодны, и темны!* – говорит д[окто]р Шиммель. – Только в своем полете чрез пространство в трении с атомами эфира они производят теплоту и свет. Это их *продукты*, а не собственные свойства».

Д[окто]р Килэ подтверждает: «Солнце, *наше солнце*, то, что мы принимаем за таковое, есть мертвое тело, *безжизненная масса*. Нет слов для достаточно сильного определения *мертвящего*

---

⁴ «*Secret Doctrine*» by H.P.Blavatsky, «*Lucifer*». A Theosophical Monthly <«*Тайная Доктрина*» Е.П.Блаватской, «*Lucifer*». Теософский ежемесячник, *англ.*> – лондонский орган теософического общества, и многие другие сочинения последователей мистического учения Радж-Йогов, индусских браминов, которых напрасно смешивают с последователями буддизма. – *Примечание В.П.Желиховской.*

В тексте статьи: Радж-Йогов.

холода, который выделяется из этого светила дня!.. Все условия его термальных свойств вырабатываются молекулярной деятельностью сочувственных тройственных токов его – *этих триединых лучей бесконечности*».

II

В американском журнале «The Inquirer»⁵, издаваемом в Филадельфии, мы находим отчет о последних опытах Килэ, касающихся демонстраций *активной силы* звука. Опыты были произведены в Нью-Йорке в присутствии избранной корпорации ученых под председательством профессора Лейде⁶, президента Филадельфийской академии естественных наук.

На эстраде стоял открытый шкаф около двух аршин⁷ высоты; на нем – не в нем, а сверху – бронзовый цилиндр, обставленный концентрическими прямыми трубочками, полвершка⁸ в диаметре из того же металла, и окруженный у основания серией горизонтальных, постепенно градуированных, по виду очень прочных металлических прутьев, чрезвычайно отзывчивых, звонких. Над этим цилиндром, венчая его, возвышалась опрокинутая металлическая чаша в виде колокола, в котором, вместо языка, было несколько камертонов вершка в четыре длину, насажденных параллельно один другому. Шкаф, как сказано, был отворен. Внутри его была вделана арфа оригинальной формы и стеклянный шар, к которому Килэ то и дело прикладывал ухо, в то же время перебирая пальцами и по струнам арфы, и по звенящим прутьям вокруг медного цилиндра, сверху.

Он чутко вслушивался чрез посредство стеклянного шара, стараясь попасть на *сочувственные* звуки в тех и других.

Но сложный механизм этого отзывчивого аппарата, названного его изобретателем: *sympathetic transmitter*⁹, этим не оканчивается. На шкафу, над арфой, против бронзового цилиндра с трубами, прутьями и камертонами в колоколе, находится как бы медное веретено, которое приводится в быстрое вращение посредством намотанной на него бечевки. Кроме того, цилиндр соединяется проволокой, литой из платины и серебра, с тяжестью, к которой прикреплена металлическая тарелка, а на тарелку положена намагниченная игла.

Демонстратор дернул бечевку, и веретено завертелось, как волчок. Тогда он стал проводить одной рукой по струнам арфы, а другой – разыскивать ошупью сочувственные вибрации в градуированных, толстых струнах (которые я называю прутьями, для отличия от арфы)¹⁰. Лишь только он попал на созвучие – магнитная игла дрогнула и двинулась вокруг своей оси, слева направо, все быстрее и быстрее. Чрез полминуты она вертелась уже с такой быстротой, что ее не было видно: переливался только круг... Килэ уж давно опустил руки, заложил их в карманы и сидел смирно, глядя на безустанное движение веретена и иглы, слушая непрерывно звучащую ноту.

На вопрос: долго ли может так продолжаться? – он отвечал, что *вызванной теперь силы достаточно для поддержания круговращения иглы со скоростью ста двадцати оборотов в секунду в продолжение четырнадцати недель*.

Наблюдатели этого явления долго любовались произведением *из ничего* этой активной, пред ними действовавшей силы, постигнутой и вызванной из тайников природы скромным тружеником науки, так часто унижаемым ее представителями, задумчиво стоявшим пред делом своего ума.

---

⁵ См.: The Keely Motor. Some observations on the invention from a foreign publication // The Philadelphia Inquirer, March 30, 1890 (Двигатель Кили. Некоторые замечания об этом изобретении из иностранного издания // The Philadelphia Inquirer, 1890, 30 марта).

⁶ Лейди Джозеф (Leidy, 1823–1891) – американский биолог.

⁷ Аршин – мера длины, равная 0,71 м.

⁸ Вершок – мера длины, равная 4,45 см.

⁹ «сочувственный передатчик» (англ.) – так далее переводит это выражение В.П.Желиховская.

¹⁰ По-английски разные названия струнам: chord, string, rod – что вместе и прут – для толстейших. По-русски – одно название всем. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Килэ сам любовался им как посторонний. Самомнения в нем нет ни йоты¹¹, но всем очевидно, что он любит свое дело, как мать любит родное дитя.

Он охотно и пространно готов был объяснять все его подробности; но видимые результаты его знаний лучше говорили в пользу их, нежели его речи.

Когда все достаточно налюбовались первым опытом, Килэ приступил ко второму.

Он взял два глубоких стеклянных сосуда и наполнил их водою по самые края. Потом достал медный шар, внутри пустой, нечто вроде шаров, подвешиваемых к блокам ламп; всыпал туда гвоздей и свинцовых опилок, закупорил и тут же свешал его. Шар потянул 5 фунтов 6 унций¹². Тогда он опустил его в чашу с водой. В другую он положил три железных шара поменьше.

Стеклянные чаши эти были окаймлены медными верхушками, и Килэ их соединил проволокой с цилиндром наверху своего «сочувственного передавателя», т.е. шкафа с арфой и прочим.

Приготовив все, он вновь пустил в ход остановленное им веретено и начал разыскивать ноты созвучных тонов на арфе и на прутьях.

Профессор Лейде спросил его, что он сделает теперь?

– Я разыскиваю ноту, в которой заключается сочувственное созвучие моего аппарата с отзвуком в шаре, наполненном гвоздями, – отвечал Килэ, продолжая перебирать аккорды. – Как только я на нее попаду, звук подействует на тяжесть... Потом я пушу в ход меньшие шары.

– Каким образом?.. Неужели так же, как кружилась игла?

– Нет, несколько иначе. Они всплывут и будут отвечать на звуки – звуками, ударяясь о края, не занятые водой.

Килэ перебирал струны, приложив ухо к стеклянному глобусу возле арфы, а многочисленные зрители затаили дыхание, прислушиваясь и не сводя глаз с шаров, лежавших на дне сосудов под водою. Они были поставлены поодаль от «передавателя» на столе, соединяясь с ним, как сказано, только проволокой, которой, собственно, шары совсем не касались.

Минуты две из-под пальцев экспериментатора вылетали тихие, более или менее гармоничные звуки; но вот вдруг прорвалась громкая, глубокая, чистая нота с обеих струн, слившаяся в один сильный звук, и в то же мгновение, как он ударил на слух всех присутствовавших, зрение их поразило сотрясение на воде: тяжелый шар дрогнул, перевалился на другой бок и стал медленно подниматься...

Все шеи вытянулись, все глаза широко открылись, у многих дух захватило от удивления... Как?.. Неужели, действительно, против всех законов тяготения от единого призывного звука, переданного по проволоке медной верхушке сосуда, в котором он покоился, *пятифунтовый шар всплывет* на поверхность воды?..

Многие переглядывались, не веря своим глазам, и весьма вероятно, что некоторые, побывавшие в Индии, невольно заподозрили Килэ в гипнотических силах: уж не месмеризм ли это?.. Не наваждение ли?.. Не представляется ли небывальщина зрителям, как на представлениях индусских «джадо-вало»¹³ – фокусников, умеющих напускать *гупта майю*¹⁴ – иллюзию, обман зрения?.. Но ведь у тех картины представляются на мгновение, а тут явление продолжается и даже усиливается: шар, сначала вылезавший увальнем, будто неохотно повинуюсь призыву, пошел быстрой и под конец чуть не выпрыгнул из воды, словно обрадовавшись.

Веретено вертелось, звонкая нота звучала, а медный шар, полный гвоздей, плавал и ударялся о края сосуда, словно подавая ответный голос: «Слышу-де, готов! Что вам угодно?»

Изумление было так велико, что с минуту никто не прерывал молчания.

¹¹ В тексте статьи: иоты.

¹² 2,44 кг. Фунт – единица веса, равная 0,454 кг; унция – единица веса, равная 28,35 г.

¹³ Джадувалла (англ. jadoowalla) – индийский колдун. «Джаду (индусск.). Колдовство, черная магия, чародейство» (Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 140). Джадувалла – заклинательница, колдунья (Радда-Бай. Из пещер и дебрей Индостана. Письма на Родину. М., 1883. С. 157). Джадувалла – фокусник (Радда-Бай. Дурбар в Лахоре. Из дневника русской // Русский вестник, 1881, №7. С. 197).

¹⁴ Гупта майя – тайная иллюзия.

Наконец, более любознательные обступили изобретателя и его изобретение, а более падкие на сенсационную новинку, не с научной, а с журнальной точки зрения, заинтересованные опытами Килэ, приступили с вопросами к представителям науки: а, ну-ко, господа ученые! Что *вы* на это скажете?..

Профессор Лейде был буквально атакован репортерами.

– Что ж это значит, доктор? Эта неведомая донныне сила или то, что ею называется так открывшим ее, переворачивает все научные *«истины»*, опровергает закон тяготения, уничтожает науку и все ее основания?..

И доктор Лейде был принужден лаконически согласиться: «Вы видите сами, как и я!» – отвечал он.

Но с последними замечаниями господ журналистов Килэ не согласился.

– Мои открытия не уничтожают науки, а ведут ее дальше, открывают ей широкое, непочатое поле действий! – сказал он. – То, что вы видите, отнюдь не опровергает закона тяготения, а лишь доказывает, что звуки имеют силу притяжения, по моему убеждению, почти безграничную... Ведь из-за того, что кусочек магнита отрывает от почвы иглу, перо или ключ, – вы не считаете закона тяготения нарушенным?.. Почему же считать, что его уничтожает мое открытие силы гармонии?.. Созвучие – величайший и едва ли не единственный рычаг, которым управляется вся природа.

Вслед за бóльшим шаром Килэ, перенеся проволоку на другой сосуд, заставил и три меньших шара всплыть. И не только всплыть, но буквально *плясать по его дудке*: он то понижал, то усиливал тоны созвучий, а шары то подымались на поверхность, то опускались до половины в воду, то останавливались, то пускались в какую-то круговоротную сарабанду.

«Были и еще опыты, – включая передачу двигательной силы на дальнейшие расстояния, в другие комнаты, посредством шелковинки вместо проводника», но, к сожалению, статья в газете «Inquirer» их в подробности не передает.

Она заключается следующими словами профессора Лейде корреспондентам всесветных газет, присутствовавшим на опытах:

– Вы, без сомнения, можете, ссылаясь на мой авторитет, заявить миру, что Джон Эрнест Уоррель Килэ открыл новую, чудодейственную (*wonderful*) силу!

Такое заключение великого американского авторитета принесло громадную пользу многоиспытанному людским недоверием и всяческими неудачами изыскателю. Уже не говоря о благоприятном впечатлении на общественное мнение, заявление Лейде тотчас же улучшило материальное состояние Килэ, дало ему возможность не стесняться в необходимых затратах времени и материала: ему обещано содействие правительства для его предприятий и, что еще гораздо важнее, доставлена немедленно щедрая помощь. Некто м-р Уард препроводил ему тотчас 5000 ливр[ов] на ведение опытов и завещал на продолжение их еще большую сумму. Пожалуй, найдутся ему и еще подражатели, потому что пресса теперь стоит за него горой и возбуждает публику к пожертвованиям. О нем и открытиях его, кроме отзывов в газетах, появилось множество брошюр. В одной из них («*Keely's discoveries*»¹⁵) мы находим его успокоительный ответ на запросы касательно будущей «приблизительной стоимости выделений для практических (торговых) целей, открытой им *активной силы звука*». «Она ровно ничего не может стоить! – отвечает Килэ. – Раз построена машина для добывания ее – все расходы закончены, так как она сама неистощимый продукт природы. Мироздание ею переполнено»...

По новой теории, излагаемой Килэ, пока не потухнет солнце, не могут истощиться колебания эфира, производящие созвучия, которые всем правят. Различные планеты представляют известное соединение сочувствующих струн или центров, настроенных так, чтобы всем принять участие в единой мировой мелодии, – совершенное подобие струн арфы или другого музыкального инструмента. «Творец видимого и невидимого, Зиждитель миров и пространства, есть Сам единый великий Маэстро, распоряжающийся гармонией сфер, – в данное время оживляющий данный

---

¹⁵ «Открытия Кили» (*англ.*), брошюра К.Блумфильд-Мур (1890).

центр к жизни, а следовательно, и к участию в первобытной мелодии, и нейтрализующий другие, которым настало время умолкнуть ради общего равновесия мироздания».

Немудрено, что такие представления с трудом принимаются на веру и далеко не всеми понимаются. Ясно, что и сам изыскатель, несмотря на все свои открытия и остроумные изобретения, бродит, как в потемках, ощупью, – более или менее смелыми гипотезами пролагая себе пути по неведомым пространствам метафизики и философии... Поневоле вспомнишь слова Амиеля¹⁶:

«Часто наука бывает помешательством, разнообразные галлюцинации которого ученые безумцы всю жизнь приводят в системы».

---

¹⁶ Амиель Анри Фредерик (1821–1881) – швейцарский философ и поэт.